

ТЕОРИЯ
ЛИШНЕГО
ВРЕМЕНИ

Лана Фурман

Лана Фурман

Теория лишнего времени

«Автор»

2026

Фурман Л.

Теория лишнего времени / Л. Фурман — «Автор», 2026

Что бы вы делали в тайной комнате, где время течёт иначе? Снаружи проходит несколько минут, а внутри — часы. Можно выспаться, дочитать отложенные книги, подготовиться к экзамену или наконец перестать торопиться. Первокурсницу Яру выбирают одиннадцатой участницей этой комнаты. Но Яра всегда говорит правду в лицо, задаёт неудобные вопросы и совершенно не умеет держать мысли при себе. А главное правило — никому не рассказывать. Почему тогда впускают именно её? И чем станет для Яры лишнее время: подарком, испытанием или тайной, которую невозможно удержать?

© Фурман Л., 2026

© Автор, 2026

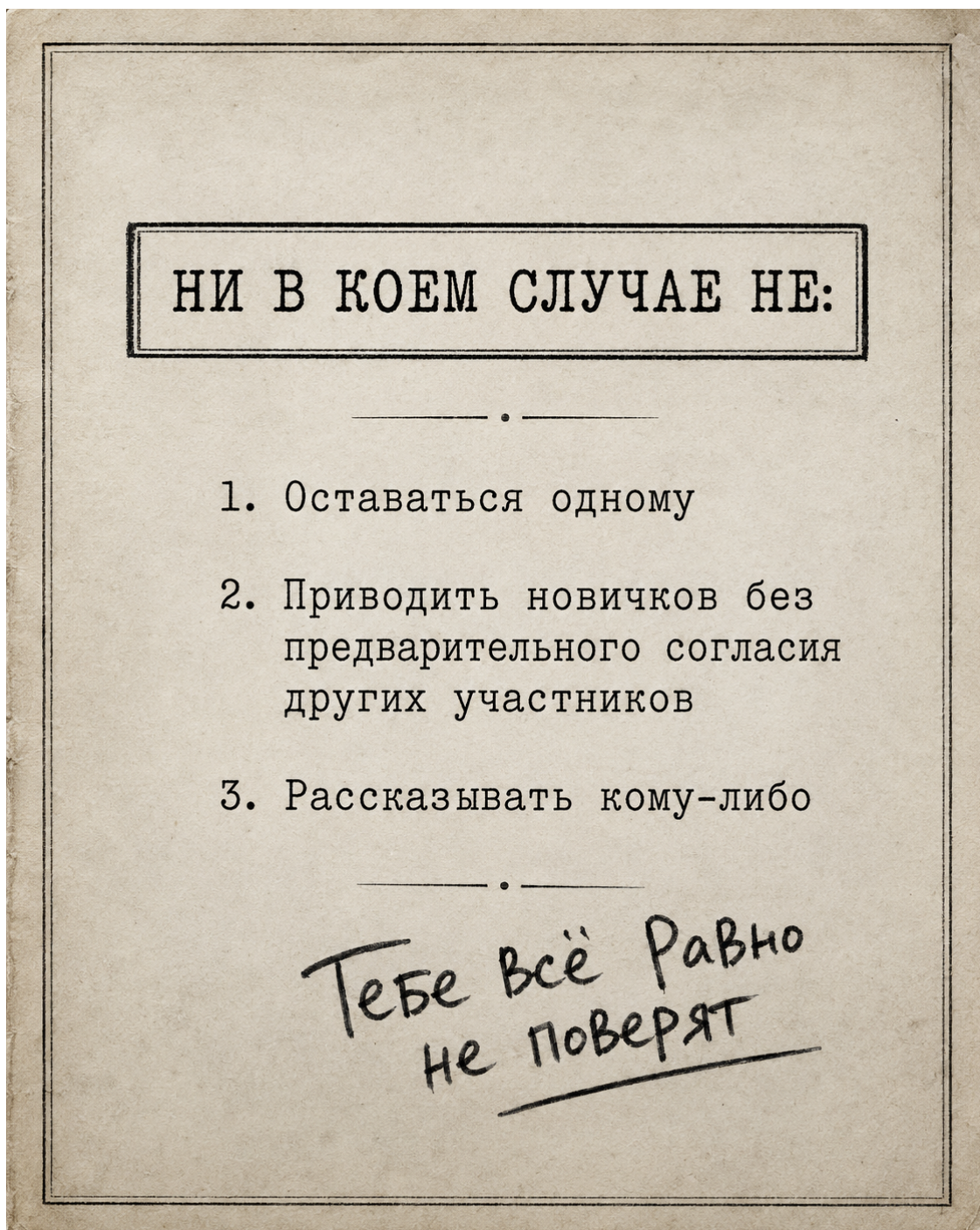
Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лана Фурман

Теория лишнего времени

Глава 1

— Ох! Ненавижу мужиков, которые плюют прямо на асфальт. Или ещё хуже — сморкаются на улице. Носи с собой салфетки! Но нет, зачем? Проще объявить весь мир своей личной ванной комнатой. И ведь самое мерзкое даже не в самом плевке, а в уверенности, что окружающие должны молча это принять.

С моей вилки упала помидорка. Она шлёпнулась в тарелку, оставив пару капель на поцарапанном столе. Я снова насадила её на зубцы — с таким мерзким скрежетом, что сама поморщилась.

— Вообще, у людей странные отношения с общим пространством, — продолжила я. — Идёт кто-нибудь перед тобой по тротуару еле-еле, занимает всю ширину дорожки и даже не думает, что за ним могут идти другие. Самокатчики несутся так, будто у них не средство передвижения, а лицензия на убийство. Дети матерятся на остановке, потому что думают, что взрослеют от количества слов на букву «б». Мотоциклисты гоняют по ночам, мешая людям спать, и считают, что звук двигателя заменяет им харизму.

Столовка вокруг жила своей обычной обеденной жизнью: звякали вилки, хлопали подносы, кто-то у раздачи спорил из-за последней котлеты, а из открытого окна тянуло влажным осенним воздухом и запахом сигарет с крыльца. Мимо нашего столика прошёл парень с сальными волосами и оставил после себя такой шлейф, что я на секунду даже забыла про помидорку.

— А ещё бесят люди, которые не знают, что такое дезодорант! — произнесла я нарочито громко. — Потому что это тоже про уважение к общему пространству. Мы все тут, знаете ли, в одном воздухе существуем.

Парень не обернулся. Зато за соседним столом кто-то подавился чаем.

— И со школой у меня было то же самое, — продолжила я уже тише, но остановиться всё равно не могла. — Там тоже все делали вид, что проблема во мне, а не в том, что взрослые люди спокойно унижают подростков и называют это воспитанием. Преподы буллили школьников и считали, что поступают правильно. Мне от них доставалось почти каждый день, особенно от исторички. «Яра, зачем ты волосы красишь? Что за вид, Яра? На панель собралась в таком виде, Яра?» И ведь она правда думала, что если взрослый человек говорит гадость ребёнку, то это почему-то не гадость, а педагогический метод.

— А, так вот как тебя зовут? — спросила незнакомка напротив меня.

Я замерла.

Опять.

Опять заговорила. Ну не могу я держать всё в себе. Мы даже нормально не познакомились, а я уже выдала список ненависти к человечеству, школьную травму и личное отношение к дезодорантам.

Вдох, выдох. Как учила мама. И только потом.

— Меня зовут Ярина, — сказала я и включила дружелюбную улыбку, чтобы сбросить нависшую неловкость. — Но все зовут Яра.

Так-то лучше.

— Лиля, — ответила моя новая знакомая.

И вот тут я наконец рассмотрела её нормально.

До этого она была для меня просто девушкой, которая под села в столовке, потому что свободных мест больше не было. Тихая, почти незаметная среди грохота подносов, очереди за компотом и чужих разговоров. Но теперь, когда она назвала своё имя, в ней сразу появились детали.

Светло-каштановые волосы были собраны в низкий хвост, из которого выбились две тонкие пряди у висков. Зелёные глаза смотрели спокойно и внимательно — без испуга, без раздражения и привычного «господи, зачем я сюда села». На ней был простой серый свитер, рукава которого она то и дело натягивала на пальцы.

А вот серьги я заметила сразу.

Маленькие красные клубнички. Блестящие, нелепо яркие на фоне её тихого лица и серого свитера. И почему-то именно из-за них Лилия перестала казаться совсем уж незаметной. Серьги выдавали в ней что-то упрямое, спрятанное под вежливым молчанием.

С начала семестра я уже много с кем успела познакомиться, да вот дальше обычно не складывалось. Люди узнавали меня получше, начинали переглядываться после моих комментариев, а потом как-то сами собой исчезали.

Я привыкла.

И меняться не собиралась. Сдерживаться, подстраиваться, улыбаться, когда хотелось сказать: «Ты сейчас несёшь чушь», — было не моё. Мама говорила, что если я буду собой, то найду людей, которые захотят дружить со мной, а не с той прилизанной версией, которую я могла бы из себя строить.

Вот я и решила с самого начала следовать её совету.

Да и Лиля теперь показалась мне интересной, хоть и молчаливой. Кажется, с тех пор как она подседа ко мне, я сказала тысячу слов, а она — пять. Но она не убежала. Уже прогресс. И доедать не торопилась, значит, я её не слишком напрягала.

Наверное.

— А ты на каком факультете? — спросила я.

— Гуманитарный. Филология, второй курс.

— Я тоже с гуманитарного. Философия, первый.

— Это я сразу поняла. — Она улыбнулась, опустив глаза в тарелку.

— Чем я себя выдала?

— Ты посмотрела в окно, увидела сморкающегося мужика и за две минуты превратила это в лекцию о культуре поведения, школьном буллинге и моральном разложении общества. — Она пожала плечами. — У нас так обычно с философского разговаривают.

Она протёрла сухой салфеткой крошки со стола и несколько секунд разглядывала меня так внимательно, что я даже перестала жевать. Смотрела с интересом, без тени осуждения — скорее так, будто пыталась понять, можно ли мне сказать что-то ещё.

Я уже успела решить, что сейчас она спросит, есть ли у меня парень, но Лиля вдруг произнесла совсем другое:

— А что ты думаешь о закрытых тайных обществах?

Такого я точно не ожидала, но всё-таки задумалась.

— Что-то типа «Золотой Зари»? Где Кроули обитал и всякие эзотерики? — Я наклонилась чуть ближе над столом, потому что сама тема словно требовала говорить тише. — Или ты про современные студенческие кружки, которые делают вид, что они тайные, хотя у них вся конспирация держится на закрытом чате в телеге?

Лиля впервые за всё время улыбнулась открыто.

— Скорее что-то между.

Она откинулась на спинку стула: то ли мой ответ её устроил, то ли, наоборот, насторожил ещё сильнее.

— Мне всегда были интересны всякие теории заговоров и тайные знания, — я прочистила горло — Но больше с философской точки зрения. Люди обожают верить, что где-то есть группа избранных, которая знает правду обо всём. Наверное, так легче жить. Если кто-то всё контролирует, значит, хаос не совсем хаос.

— А если они правда что-то знают?

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Тогда они либо опасные, либо очень несчастные. Обычно знание, которое нужно прятать, редко делает человека... нормальным.

Лиля опустила взгляд на свой поднос.

— Понятно.

— А что?

— Да так.

Она засобиралась: поставила стакан на поднос, сдвинула к нему тарелку, поднялась и даже не сказала «увидимся».

— Лиль?

Но она уже торопливо уходила между столиками, словно пожалела, что вообще задала вопрос. Я осталась сидеть с вилкой в руке и неприятным ощущением, что только что провалила собеседование, на которое меня никто не приглашал.

Встав из-за стола, я увидела её телефон на стуле. Чёрный, в потёртом прозрачном чехле, с наклейкой в виде маленькой красной клубники.

Улыбка появилась сама.

Телефон придётся вернуть.

— В онтологии мы спрашиваем не только о том, что существует, — говорил Илья Сергеевич, медленно проходя вдоль первого ряда. — Мы спрашиваем, на каком основании считаем нечто существующим. Вещь, событие, переживание, память — всё это требует разных способов подтверждения. И здесь начинается теория познания: где проходит граница между знанием, убеждением и рассказом о собственном опыте?

Третья пара, всё как обычно: Илья Сергеевич что-то рассказывал, парни слушали и записывали, а девочки краснели от одного взгляда преподавателя на них. Жалкое зрелище. Несколько минут назад я видела, как брюнетка Маша не могла попроситься со своим парнем и лобызалась с ним прямо перед дверью аудитории. А сейчас поправляла волосы, покусывала кончик ручки и глаз не сводила с Руднева.

— Человек может быть совершенно уверен в том, что с ним произошло, — продолжил он. — Но для другого человека эта уверенность сама по себе ещё не становится знанием. Пока событие нельзя проверить, оно остаётся свидетельством. Важным, иногда единственным, но всё же свидетельством.

Свидетельством? Как удобно.

Я попыталась промолчать. Правда попыталась.

— То есть, если родители годами орали на ребёнка или били его, — сказала я, не поднимая руки, — а потом, когда он вырос, спокойно заявили: «Такого не было, ты всё придумал», то это просто проблема проверки свидетельства?

Несколько человек обернулись. Кто-то на задней парте цокнул языком, Маша перестала грызть ручку и посмотрела на меня с таким выражением, будто я только что вылила кофе на её любимую кофточку. Ну да. Простите, что отвлекла вас от созерцания преподавательских скул.

— Получается, ребёнку надо было не плакать, а камеру искать? — продолжила я, потому что остановиться уже не могла. — Или диктофон включать заранее, чтобы через десять лет его не обвинили в выдумках? Иначе всё, недостаточно доказано, значит, можно делать вид, что ничего не было?

В аудитории стало слишком тихо. Такое молчание бывает, когда все делают вид, что смотрят в конспект, но на самом деле ждут, кого сейчас размажет.

Илья Сергеевич устало вздохнул. Опустил взгляд на кафедру, провёл пальцами по краю раскрытой книги и только потом снова посмотрел на меня.

— Ярина, верно?

Я кивнула. Руки почему-то начали дрожать под партой, и это бесило ещё сильнее. Я не боялась и не собиралась устраивать драму. Просто внутри всё кипело от этого аккуратного, университетского, стерильного слова: «свидетельство».

— Отношения родителей и детей не являются предметом нашей сегодняшней темы напрямую, — сказал Руднев. — Но ваш пример как раз показывает, почему теория познания не сводится к сухому вопросу «есть доказательства или нет». В человеческих отношениях отсутствие доказательства не равно отсутствию события. Это важно.

Я моргнула.

Не такого ответа я ждала.

— Но, — продолжил он, и я сразу напряглась, — для другого человека чужая боль действительно часто приходит в форме рассказа. Иногда только в форме рассказа. И здесь начинается уже не онтология, а этика: имеем ли мы право требовать от пострадавшего невозможной фиксации собственной боли, прежде чем позволим ему быть услышанным?

Маша медленно опустила ручку на стол.

— Если говорить строго в рамках дисциплины, — Руднев чуть повернулся к доске, но смотрел всё равно на меня, — событие могло быть реальным, даже если его нельзя доказать. Память может быть искренней, даже если она неточна. Свидетельство может быть единственным доступным способом передать случившееся. Проблема не в том, что без записи ничего не существует. Проблема в том, что общество слишком часто признаёт существующим только то, что удобно предъявить.

Он сделал паузу.

— Поэтому вопрос не в том, «было» или «не было» только потому, что нет камеры. Вопрос в том, кто получает право решать, какие формы правды мы считаем допустимыми. И почему одним людям верят на слово, а другим приходится приносить доказательства собственной боли.

Я смотрела на него и впервые за всю пару не знала, что сказать.

Вот гадство.

Он не только не разозлился. Он ещё и ответил нормально.

Илья Сергеевич задержал на мне взгляд чуть дольше, чем требовалось, буквально на пару секунд. Уголок его рта дрогнул в лёгкой победной улыбке. Так улыбаются люди, которые не повышали голос, но всё равно оставили последнее слово за собой.

Меня это задело.

В спорах я не любила чувство, что должна показаться правой. Зато очень любила оказываться правой. И, судя по этой едва заметной улыбке, Руднев тоже.

Ладно.

Это был не последний наш спор. Я почему-то сразу это поняла.

Илья Сергеевич вернулся к теме, а я попыталась вернуться к конспекту. Буквы расплзались по строчкам, мысли всё время цеплялись то за его ответ, то за взгляд Маши. Она поворачивалась ко мне примерно раз в десять минут и смотрела с неприкрытым раздражением, словно я нарушила какой-то негласный закон аудитории: преподавателем можно любоваться, но нельзя спорить с ним вслух.

Ну простите.

Я открыла тетрадь, написала: *«Свидетельство не равно отсутствие истины»*, — и тут же зачеркнула. Слишком красиво звучало. Значит, потом обязательно выбесит.

До конца пары я то и дело лезла в сумку за телефоном Лили. Экран молчал. Я нажимала кнопку сбоку, смотрела на тёмное стекло, ждала уведомление, звонок, сообщение, хоть что-нибудь. Лиля наверняка уже хваталась за карманы, возвращалась к нашему столику и думала, что телефон украли. Или потеряла. Или что я решила присвоить себе чужую клубничную собственность, потому что рыжие первокурсницы именно этим и занимаются между парами.

Телефон снова погас. Я сунула его обратно в сумку, продержалась минуты три и достала опять.

Ничего.

Руднев что-то говорил про критерии достоверности и проблему внешнего наблюдателя. Я честно пыталась слушать, но к концу лекции в голове вместо онтологии крутилась одна мысль: на перемене надо найти Лилю.

После пары аудитория взорвалась шумом. Стулья заскрипели, а в проходе тут же образовалась пробка из студентов, рюкзаков, локтей и чужих недовольных «да подожди ты». Я терпеть не могла этот момент: все внезапно забывали, что у них есть тела, границы и элементарная способность не наступать другим людям на ноги.

Меня толкнули в плечо, кто-то задел сумку, а парень с задней парты едва не приложил меня локтем по голове.

Восторг. Реальность снова без редактора.

Я выбралась в коридор вместе с общей волной и сразу начала искать глазами красные серьги-клубнички и зелёные глаза.

Да, дело было не только в телефоне. Признаю.

С одной стороны, мне показалось, что Лиле я правда показалась интересной. Не «странной первокурсницей, которая слишком много говорит», а именно интересной. А это уже можно было считать шансом. Возможно, даже шансом на дружбу, если не пугать человека раньше времени полным перечнем моих недостатков.

С другой стороны, Лиля явно что-то скрывала.

А я ненавижу, когда от меня скрывают секреты. Вот прямо физически ненавижу. У меня от этого чешется мозг. Я хочу знать всё: кто, зачем, почему, как давно, по чьей инициативе и при каких подозрительных обстоятельствах. И пока не узнаю, не могу спокойно спать по ночам. Строю догадки, теории, мысленные схемы, а потом сама же от них устаю.

Лилю я увидела у окна в конце коридора.

Она стояла рядом с каким-то парнем и улыбалась ему. Мило так улыбалась, спокойно. Совсем не как человек, который полпары искал телефон, мысленно прощался со всеми фотографиями, паролями и переписками, а потом решал, идти в деканат или сразу в полицию.

Странно.

— Лиля!

Она обернулась на мой голос, на секунду застыла и мельком глянула на своего собеседника.

— Яра? — На лице Лили промелькнуло замешательство.

Парень рядом с ней тоже повернулся ко мне.

Каштановые волосы, высокий, но без этой дурацкой манеры занимать собой половину коридора. На губах — ухмылка.

— Ты забыла в столовой. — Я достала из сумки чёрный телефон и протянула ей.

Лиля нахмурилась.

— И правда. — Она взяла его, провела пальцем по экрану, проверяя, настоящий ли. — А как ты поняла, что он мой?

— На нём же клубничка, — ответила я с видом человека, только что блестяще раскрывшего дело века.

Ну не говорить же: «Потому что ты сидела на соседнем стуле, резко ушла после странного вопроса про тайные общества, а потом оставила после себя телефон с такой же клубничкой, как у тебя на серьгах». Звучало бы слишком длинно.

— А, да. — Лиля смущённо убрала телефон в карман. — Познакомься, это Тимофей.

Парень чуть заметно наклонил голову, всё ещё не убирая ухмылку.

— Привет. Яра, — представилась я.

— Привет, Яра, — поприветствовал он, и его улыбка стала ещё шире. — А мы как раз говорили о тебе, — добавил Тимофей.

Лиля наградила его таким взглядом, что у меня внутри что-то радостно щёлкнуло.

Это уже было похоже на секрет. Маленький, свежий, ещё тёплый.

— Правда? — Я сложила руки на груди. — И что именно? Что я много болтаю? Или что я оказалась не такой удобной собеседницей, как Лиля рассчитывала?

Она заметно покраснела и отвернулась, но эмоции уже выдали её раньше, чем она успела спрятать лицо.

Тимофей коротко рассмеялся.

— Неудобная собеседница. Звучит довольно точно.

— Спасибо. Я запишу это в резюме.

— Думаю, это будет вторым пунктом.

— А что будет первым?

— Умеет замечать лишнее.

Лиля тихо кашлянула. Вот оно. Секрет стал ещё теплее.

Я не повернулась в её сторону, но, видимо, на лице всё равно проступило слишком много самодовольства, потому что Тимофей тут же прищурился. Он смотрел с таким интересом, словно только что увидел развёрнутую схему у меня в голове. Его взгляд небрежно прошёл мимо моей причёски, одежды, сумки — всего, за что люди обычно цепляются при знакомстве, — и снова задержался на лице.

Глаза у него оказались голубыми — ясными, холодноватыми, без той приторной красоты, которую обычно вписывают в плохие любовные романы.

— Слушай, а ты всё успеваешь? Со временем как вообще? — вдруг спросил Тимофей.

Я моргнула.

— А в этом универе так принято — задавать неуместные вопросы, которые вообще не касаются контекста?

— А ты сначала ответь, потом обсудим контекст.

Я выдержала паузу.

— Конечно, не успеваю. Я думаю, как и все, кто здесь учится. Если кто-то на первом курсе философского факультета говорит, что всё успевает, он либо врёт, либо уже достиг просветления и может идти преподавать онтологию вместо Руднева.

Уголки губ Тимофея дрогнули.

— Значит, времени не хватает.

— Именно это я только что объяснила целой речью.

— Я люблю точность.

— Тогда тебе точно не ко мне. Я люблю лишние уточнения, драматические обобщения и иногда оскорбительные выводы.

— Это я уже понял.

Лиля шумно выдохнула. Она явно хотела вмешаться, но пока не решила, кого спасти — меня или Тимофея.

— На каком этаже ты живёшь? — спросил он.

Я прищурилась.

— Сначала время, теперь координаты. Тимофей, ты случайно не составляешь на меня досье?

— Случайно — нет.

— То есть намеренно?

— Мне просто интересно.

— Мне тоже много чего интересно, но я же не спрашиваю у людей сразу после знакомства, на каком этаже они спят.

Соврала, наверняка такое было.

— Можешь спросить.

— Спасибо, обойдусь. — Я посмотрела на Лилю. — Он всегда такой?

— Не всегда, — ответила она слишком быстро.

Я покачала головой.

— Ладно. Я на первом. Теперь твоя очередь отвечать.

— На что?

— На очевидное.

Я шагнула чуть ближе и понизила голос, хотя вокруг всё равно шумели студенты.

— Вы пригласите меня в своё тайное общество или как?

Я не была уверена, но похоже, попала в точку, потому что Лиля побледнела. Вот прямо заметно. Сначала с щёк ушла краска, потом она быстро оглянулась по сторонам, словно я не глупость сказала, а пароль от чужого сейфа вслух произнесла.

А Тимофей, зараза, расплылся в улыбке.

— Тайное общество? — переспросил он.

— Не изображай удивление. У тебя плохо получается.

— А я и не удивляюсь. Я уточняю, с чего ты это взяла.

— С того, что Лиля в столовой спрашивала меня про закрытые общества, потом резко сбежала, оставила телефон, а теперь ты интересуешься, хватает ли мне времени и на каком этаже я живу. Ну, или я ошибаюсь и это худший флирт в истории университета.

Лиля закрыла глаза всего на одну секунду. Но мне хватило.

Тимофей посмотрел на неё, улыбка не исчезла, только стала менее заметной. Реакция не заставила себя ждать.

— Лиль, нам пора. — Он отлепился от стены и поправил лямку рюкзака. — Увидимся, Яра.

Развернулся, и Лиля пошла за ним не сразу. Сначала задержалась передо мной, сжимая телефон обеими руками.

— Спасибо, что вернула, — сказала она.

— Пожалуйста.

Она хотела добавить что-то ещё. Я видела это по её лицу: по тому, как она чуть приоткрыла рот, как взгляд метнулся от меня к Тимофею. Но Лиля только кивнула и пошла следом.

Я осталась стоять посреди коридора, среди чужих голосов, шагов и запаха дешёвого кофе из автомата.

Восторг.

Сегодня я точно не усну.

Глава 2

Я лежала на спине, закинув ноги на изголовье, и уже минут десять держала раскрытую страницу перед лицом. Читать Платона получалось примерно так же успешно, как поверить, что Маша всю пару смотрела на Руднева исключительно из любви к онтологии.

Оля, соседка по комнате, старалась без нужды ко мне не заходить. В первый же день я сдуру выложила ей всё о своей первой школьной любви, и она с тех пор предпочитала ночевать у подруг. Меня это не обижало — одной было даже спокойнее.

А сегодня Оля заболела, осталась в общаге с температурой, красным носом и трагическим видом человека, которого предали собственные миндалины. Я отдала ей свой конспект по онтологии, удержавшись от комментария «Сама виновата, нечего было вчера гулять без шарфа».

Себе оставила учебник и Платона.

Нам велели прочитать отрывок про пещеру. Про людей, которые с детства видят перед собой только тени и принимают их за настоящие вещи.

Очень мило. Особенно после дня, в котором мои новые знакомые вели себя как тени от какого-то общего секрета. Мелькнут, исчезнут, оставят на стене странный контур — и попробуй потом докажи себе, что ты не придумала лишнего.

Я опустила книгу на грудь.

Может, и придумала.

В конце концов, два странных знакомства — ещё не тайный заговор. Неуместные вопросы — ещё не доказательство. Чужая улыбка — тем более. Иногда люди просто ведут себя подозрительно, потому что люди вообще не самый совершенный вид.

Я перевернулась на бок, уставилась на стул и поняла, что бытовая реальность решила вмешаться. На спинке висела красная кофта. На сиденье лежали джинсы, а под столом валялись носки, которые я уже третий день делала вид, что не замечаю. В углу пакетом сучала одежда для стирки.

Когда мысли начинают бегать кругами, их нужно либо записать, либо занять руки. Записывать я не хотела: тогда пришлось бы признать, что у меня уже есть полноценная теория из пары совпадений, чужих взглядов и собственного неумения успокоиться. Поэтому и решила заняться стиркой.

Очень взрослое решение.

Я собрала в мешок чёрные футболки, носки, джинсы, красную кофту и ещё несколько вещей, которые давно пора было отправить в барабан. Спустилась на первый этаж, дошла до вахтёрши и попросила ключ от подвала.

Вахтёрша сидела за своим столом, вязала что-то серое и объёмное, как ноябрьское небо, хотя был только конец сентября.

— Фамилия? — спросила она, даже не подняв головы.

— Ветлугина.

Она подвинула ко мне тетрадь в клетку. На обложке было написано «ПОДВАЛ» таким почерком, что под ним хотелось сразу подписать: «И всякий, кто войдёт сюда, оставь надежду».

Я расписалась, получила ключ на тяжёлой железной бирке и пошла к лестнице. Прачечная оказалась в конце узкого коридора, за облезлой дверью с табличкой «СТИРКА ДО 23:00». Кто-то снизу дописал маркером: «А страдания круглосуточно».

Вот это я понимаю. Философия быта.

Свободных машин было много, но я выбрала ту, что выглядела наименее мстительной, закинула вещи, насыпала порошок, нажала кнопки и некоторое время смотрела, как вода затягивает ткань внутрь барабана.

Уселась на соседнюю стиралку, упёршись спиной в стену и снова открыла Платона. Гул стиральных машин был ровным, даже приятным, убаюкивающим. За стеной размеренно капало, а из машинки то и дело доносился короткий лязг — кажется, пуговица.

Я нашла нужное место.

Платон писал примерно о том, что человек, привыкший к теням, не сразу обрадуется настоящему свету. Сначала свет причинит боль. Потом придётся признать: всё, что раньше казалось реальностью, было только плоским отражением на стене.

Я прикрыла страницу ладонью.

С тенями была одна проблема: иногда они и правда ничего не значили. Просто кто-то прошёл мимо огня — и на стене дрогнуло пятно. А ты уже строишь выводы и чувствуешь себя философом, хотя на деле тебе просто надо выспаться.

Возможно, с Лилей и Тимофеем было именно так. Возможно, я прицепилась к пустякам. Возможно, мне просто не нравилось, когда люди знают что-то без меня.

Дверь прачечной скрипнула. Я подняла глаза.

Внутри вошла невысокая девушка с большим клетчатым пакетом белья. На ней была тёмно-синяя пижама, усыпанная мелкими звёздами, а на ногах — смешные тапки с кроличьими ушами. Широкий фиолетовый ободок сдерживал чёрные волосы, открывая красивые карие глаза.

Девушка сделала вид, что полностью занята пакетом, машинкой и инструкцией на крышке стиралки. Но всё равно успела бросить на меня три коротких взгляда: один на лицо, второй на книгу, третий на мои браслеты с подвесками. Она загрузила бельё в машинку через одну от моей, огляделась и села на соседнюю стиралку. Прямо рядом со мной. Вокруг было полно места. У прохода даже стоял свободный стул.

Интересно.

Я снова осмотрела её. И вообще никогда не умела отводить взгляд от незнакомцев только потому, что им некомфортно. Если человек меня интересуется, я смотрю. Изучаю.

Девушка молчала секунд десять. Потом повернула ко мне голову.

— Я Агата. Чернова.

Фамилия подходила.

— Яра, — сказала я.

— Ты с первого курса? Я тебя раньше не видела.

— Верно. А ты?

— Третий. Культурология.

Ну конечно.

— А кто ты по знаку зодиака? — спросила Агата.

Я медленно моргнула. Сегодня что, какой-то день внезапных анкет? И самое странное — новые знакомые не разбегались после первых трёх моих фраз. Наоборот, сами задавали вопросы. Мир явно сломался. А это отличный повод быть собой.

— Скорпион, — сказала я. — Родилась одиннадцатого ноября. Вообще, число одиннадцать почему-то преследует меня всю жизнь. Одиннадцатое ноября, одиннадцатая квартира до переезда, в школе вечно попадала то на одиннадцатое место в списке, то на одиннадцатый вариант контрольной. Даже автобус до универа чаще всего одиннадцатый, хотя я понимаю, что это уже не мистика, а расписание общественного транспорта. Но всё равно. Если число слишком часто лезет тебе в глаза, начинаешь подозревать, что оно либо пытается что-то сказать, либо просто издевается.

Я собиралась добавить, что, возможно, одиннадцать — это мой личный номер в лотерее абсурда, но осеклась. Агата смотрела на меня огромными глазами. Блюдцами.

— Ты родилась одиннадцатого одиннадцатого? — спросила она.

— Ну да. А к чему такое удивление?

Агата не сразу ответила. Быстро опустила взгляд на свои кроличьи тапки, потом снова подняла глаза и натянула улыбку.

— Просто я никогда раньше не встречала человека с такой датой рождения.

— Поздравляю. Теперь встретила. Вручишь мне сертификат в честь этого?

— Это многое говорит о человеке.

— Моей маме это говорит только о том, что торт каждый год должен быть с двумя единицами. Желательно шоколадный.

Агата улыбнулась шире, но улыбка получилась натянутой.

— Я серьёзно. Одиннадцать — сильное число. А одиннадцать одиннадцать... Это может быть знаком. Для чего-то важного.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Ты сейчас говоришь как человек, который знает, для чего именно.

— Нет, — слишком быстро сказала Агата. — То есть нет. Просто интересное совпадение.

— Совпадение, конечно.

Стиральная машинка громко булькнула. Даже техника была на моей стороне.

Агата спрыгнула со своей стиралки.

— Извини, я отойду.

— Ты свободна как птица, не отпрашивайся.

Она снова улыбнулась. На этот раз болезненно.

— Я быстро.

Агата вышла из прачечной и прикрыла за собой дверь — та закрылась не до конца. Я осталась сидеть на стиралке с Платоном на коленях и смотрела на оставшийся просвет.

Ну да. Конечно. Человек в пижаме со звёздами, который подсаживается ко мне в пустой прачечной, спрашивает про знак зодиака, пугается даты рождения, внезапно выходит «отойти». Абсолютно нормально. Ежедневная бытовая сцена. Так у всех бывает.

Машинка подо мной на пару секунд остановилась, и в тишине подвала стало слышно всё: капли за стеной, шорох старых труб и тихие быстрые нажатия по экрану телефона за дверью.

Агата никуда не ушла. Она стояла за углом и увлечённо строчила кому-то сообщение.

Я закрыла книгу (Платон явно умел ждать веками, так что ещё пара минут его не расстроит), спрыгнула с машинки и, осторожно подкравшись к двери, заглянула в узкую щель. Агата стояла ко мне спиной и продолжала что-то печатать. Ситуация меня даже забавляла, но заглядывать ей через плечо я не стала. Всё-таки у каждого человека должны быть личные границы. Даже у подозрительных девушек в пижаме со звёздами. Поэтому я решила поступить по-своему.

— Готова поклясться, что ты пишешь обо мне. — Голос я нарочно сделала игривым.

— Ой! — Агата резко повернулась и схватилась за грудь. — С чего... Почему ты так подумала?

Её испуганная улыбка позабавила меня ещё сильнее.

— Ну, не знаю. Может, потому что ты старательно делала вид, что случайно оказалась рядом со мной в пустой прачечной. Потом начала задавать вопросы и побледнела от моей даты рождения. — Я чуть наклонила голову. — Или ты просто очень эмоционально относишься к астрологии. Такое тоже бывает.

Агата открыла рот, закрыла, снова открыла.

— Ты проверяла меня на кандидатуру в ваш секретный клуб? — спросила я.

Вот тут она перестала даже изображать спокойствие. Глаза у Агаты стали огромными, телефон она прижала к груди, а потом вдруг развернулась и побежала к лестнице.

— Эй! — крикнула я ей вслед. — Я твоё бельё вытаскивать не буду!

Ответа не последовало. Только сверху хлопнула дверь.

Я вернулась в прачечную и посмотрела на её стиральную машинку.

Вот же странности. Что Агата, что Лиля слишком драматично относились к секретности своего клуба. Учитывая их реакции, они там явно не просто чай с печеньем пили и не обсуждали расписание факультативов. Впрочем, может, красные щёки и побеги по лестнице — это как раз главный индикатор участников тайных студенческих оргий.

Ладно.

Если это оргии, то с очень странным вступительным собеседованием.

На следующее утро я сидела на открытой лекции по философии времени и боролась с желанием лечь лицом на парту. Ночью я спала часа три, и то кусками. В какой-то момент решила «быстро» проверить соцсети Лили, Агаты и Тимофея, а в итоге очнулась ближе к трём часам с телефоном в руке, сухими глазами и ощущением, что стала чуть хуже как человек, зато чуть полезнее как следователь.

Самое раздражающее: они правда умели прятаться.

У Лили были фотографии с одноклассниками, эстетичными фото с книгами, каким-то котом у общаги и чашкой кофе на подоконнике. У Агаты — свечи, карты Таро, лекции по культурологии, селфи в зеркале и странные подписи под полнолунием. У Тимофея — сплошная природа и город: лесные тропинки, туман над рекой, крыши в вечернем свете, пустые останки, фонари в лужах. Сам он появлялся редко: спиной у воды, в профиль на фоне серого неба, тёмным силуэтом на мосту. Ни одной фотографии, где можно было бы рассмотреть лицо.

Друг с другом они не фотографировались. Вообще. Ни одного общего снимка, ни одной отметки, ни одного комментария в духе «ха-ха, помнишь тот вечер». С кем угодно — пожалуйста. Между собой — пустота.

— Время, — говорил профессор у доски, — не сводится к положению стрелок на циферблате. Часы измеряют последовательность, но не объясняют, почему один час тянется бесконечно, а другой исчезает, не оставив следа.

Профессор был старый, сухой, с голосом, похожим на шуршание страниц. Огромные очки увеличивали глаза так, что он временами напоминал филина, который разочаровался в человечестве, но всё ещё вынужден читать ему лекции. А паузы он делал такие длинные, что аудитория за это время успевала переосмыслить бытие, проверить телефон и снова разочароваться в бытии.

Я зевнула в кулак как можно незаметнее, и как раз в этот момент слева от меня села Лиля. Она положила на парту тетрадь и ручку, поставила рядом маленький стаканчик кофе, и её серьги-клубнички качнулись у щёк.

— Доброе утро, — прошептала она с дружелюбной улыбкой.

— Оно спорное.

Лиля посмотрела на меня внимательнее.

— Ты плохо спала?

— Я прекрасно спала. Просто мало и с перерывами на расследование.

Она отвела взгляд к доске, но пальцы на ручке сжались чуть крепче.

— Расследование чего?

— Странностей. Вчера их было слишком много, чтобы я могла спокойно лечь и притвориться нормальной.

— Яра...

— Что? Я же не говорю, что вы с Агатой и Тимофеем состоите в подпольном ордене любителей подвалов и внезапных допросов. Я просто рассматриваю разные гипотезы.

Лиля закрыла глаза на пару секунд.

— Очень громко рассматриваешь.

— Я шепчу.

— У тебя даже шёпот с характером.

Это прозвучало почти как комплимент, и я великодушно решила принять именно так. Профессор тем временем нарисовал на доске горизонтальную линию и несколько точек.

— Физическое время удобно представлять как линию: прошлое, настоящее, будущее. Но переживаем мы его иначе. Внутри сознания время сгущается, распадается, возвращается. Иногда минута вмещает больше, чем целый день, а день оказывается пустым, как плохо прочитанная страница.

Лиля подвинула ко мне кофе.

— Пей, а то ты сейчас уснёшь и ударишься лбом о парту.

— Это забота или взятка за молчание?

— Я совмещаю.

Я отпила кофе и тут же поморщилась. Горький, с привкусом автомата и безнадёги. Зато глаза открылись шире.

Справа от меня еле слышно сел Тимофей. Волосы у него были аккуратно зачёсаны назад, словно утром у него нашлось время не только умыться и одеться, но и привести себя в состояние «свежий огурец, уверенный в сегодняшнем дне». Меня это почему-то возмутило. Люди после нормального сна вообще выглядят подозрительно.

— Доброе утро, Яра, — тихо сказал он.

— Вы что, по расписанию подсаживаетесь? Сначала клубничная разведка слева, теперь голубоглазая справа?

Лиля едва слышно выдохнула, а Тимофей устроился удобнее, положил тетрадь на парту и посмотрел на доску с невинностью, которой я не поверила ни на секунду.

— Я опоздал на пять минут. Это не расписание, это слабая дисциплина.

— Как самокритично.

До перерыва они вели себя почти прилично. Лиля конспектировала, Тимофей делал вид, что внимательно слушает профессора, а профессор рассказывал о Бергсоне, длительности и странной разнице между временем, которое можно измерить, и временем, которое можно только прожить. Всё выглядело бы даже академично, если бы Лиля и Тимофей время от времени не переглядывались через меня.

Один взгляд — случайность. Два — совпадение. На пятом я больше не могла списать это на скуку или обычное студенческое «сколько до конца пары?». Я не понимала, что именно они слышат в словах профессора, но видела: для них обоих это важно. Может, какой-то личный спор?

В любом случае, мне это совершенно не нравилось.

Профессор объявил пятнадцатиминутный перерыв после первого академического часа. Аудитория тут же ожила: кто-то потянулся к выходу, кто-то достал телефон, кто-то побежал за кофе так быстро, будто от этого зависела стипендия. Лиля тоже поднялась, бросила короткий взгляд на Тимофея и присоединилась к общему потоку выходящих.

Я повернулась к нему.

— Почему Агату и Лилю так пугают вопросы о тайных клубах?

Тимофей улыбнулся одними уголками губ, но смех удержал при себе. Вот за это ему можно было поставить маленький плюс: он хотя бы не изображал, что я спросила ерунду.

— Потому что некоторые вопросы лучше задавать тише.

— Ага. То есть... дело не в том, что вопрос глупый, а в том, что его могут услышать?

— Я этого не говорил.

Он посмотрел на профессора, который у кафедры спорил с каким-то аспирантом, и только потом снова повернулся ко мне.

— Ты вчера напугала Агату.

— Агата сама себя напугала. Я просто стояла рядом и была прекрасным поводом.

— Видимо, этого достаточно.

— Для чего?

— Для того, чтобы люди начали нервничать.

Я подалась ближе, но не настолько, чтобы это выглядело как доверие.

— Тимофей, ты сейчас очень старательно не отрицаешь существование тайного общества среди студентов.

— Может, мне просто нравится смотреть, как ты сама себя в этом убеждаешь?

— Осторожнее. Я могу убедиться окончательно.

— Осторожнее, — повторил он, и улыбнулся до ямочек на щеках. — А то вдруг окажется, что тебя никто не собирался останавливать.

Теперь вопросы в голове зудели горячими искрами, а в животе шевелились бабочки. Лиля и Агата пугались, краснели, сбегали. А Тимофей сидел рядом и сам подкладывал веточки в костёр моего любопытства, только делал вид, что вообще-то тушит пожар.

— Ладно, — сказала я. — Допустим, я захочу попасть в ваш странный клуб, где все так драматично реагируют на обычные слова. Что нужно? Тайная клятва? Кровь? Ночной поход вокруг общаги в простыне?

— Залог.

Я ожидала чего угодно, но не этого.

— Деньги?

— Деньги были бы слишком простой ценой.

— Тогда что?

Теперь Тимофей наклонился ко мне, и я уловила лёгкий запах — свежий, сдержанный, как от человека, который знает меру. Оглянувшись по сторонам, он сказал:

— Такой залог, после которого человек трижды подумает, прежде чем взболтнуть лишнего.

Я затаила дыхание.

— Компромат?

— Это твоё слово.

— А твоё?

— Гарантия.

Я ждала, что после этих слов он снова начнёт защищаться, отшучиваться или делать вид, что я всё неправильно поняла. Но ничего из этого не произошло, он оставался серьёзен.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Так что, ты будешь меня отговаривать?

— Увы, мне не придётся. Тебе в любом случае туда не попасть. Лилия совершила ошибку, начав задавать тебе вопросы.

— Почему?

— Потому что туда не берут первокурсников. А даже если исключение возможно, то решение принимает один человек. А ты произвела на него не лучшее впечатление.

— То есть я ему не понравилась?

Тимофей кивнул.

— Значит, этот человек явно не ты? — уточнила я.

— Явно.

Он сказал это так спокойно, что я на секунду забыла, какую колкость собиралась выдать следом. Уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент вернулась Лилия с бутылкой воды. Она села на своё место, мягко улыбнулась мне и аккуратно открыла тетрадь.

Профессор постучал пальцами по кафедре, призывая аудиторию к тишине.

— Продолжим, — сказал он. — Мы остановились на вопросе: может ли человек владеть временем, или время всегда владеет человеком?

Я уставилась в доску, но всё ещё крутила в голове слова Тимофея о том, что в их тайный клуб мне не попасть.

На паре у Руднева я уже не зевала. Кофе Лили оказался спасительным. Надо будет потом поблагодарить её за то, что я не уснула лицом в тетради.

— Мы привыкли думать, что истина сама по себе благо, — говорил Илья Сергеевич, стоя у доски. — Соккрытие истины кажется нам обманом, слабостью или способом удержать власть. Но философия редко оставляет нам удобные ответы. Поэтому вопрос: всегда ли человек имеет право раскрывать правду, если эта правда касается не только его?

В аудитории зашелестели страницы, закрипели ручки. Я записала в тетради: «Истина как благо» — и поставила рядом вопросительный знак.

— Представьте ситуацию, — продолжил Руднев. — Есть тайна, которая объединяет группу людей. Снаружи эта тайна никому не вредит, но её раскрытие может разрушить жизни тех, кто находится внутри. Вопрос не юридический, а этический: что будет честнее — рассказать правду или сохранить молчание?

Я оторвала глаза от тетради, забыв, что вообще писала. Чернила расплзлись на недописанном слове жирной синей точкой.

Вот же.

Это не могло быть совпадением. Или могло, конечно, но после Тимофея и его любви к загадочным формулировкам, вера в совпадения у меня заметно просела.

Сначала ответил парень с первой парты. Долго говорил о конфиденциальности, общественном договоре и личных границах. Потом Маша, которая постоянно поправляла волосы, не отрывая глаз от преподавателя, сказала, что правда должна быть раскрыта только в случае угрозы жизни и здоровью. Очень удобный ответ. Чистенький, выглаженный, как рубашка отличника.

Руднев выслушал всех, кивнул и вдруг посмотрел на меня.

— Ярина? А вы что думаете?

В аудитории сразу стало тише, кто-то перестал щёлкать кнопкой ручки. Я выдохнула и только потом позволила себе откинуться на спинку стула.

— Думаю, всё зависит от того, кто решил, что эта тайна никому снаружи не вредит.

Руднев чуть приподнял бровь.

— Поясните.

— Очень удобно сидеть внутри группы и говорить: «Мы никому не вредим, просто молчим». Только люди снаружи при этом даже не знают, что им чего-то не сказали. Они не могут согласиться, отказаться, задать вопрос, защитить себя. За них уже решили, что им лучше не знать.

— То есть всякая тайна — форма власти?

— Часто — да.

— А если раскрытие этой тайны разрушит людей, которые её скрывают?

— Значит, надо спросить, почему их жизнь держится на тайне.

Несколько человек обернулись. Руднев нахмурился, не отводя от меня взгляда. Я начала незаметно вытирать вспотевшие ладони о карманы джинсов.

— Вы сейчас говорите о ситуации, в которой тайна используется как инструмент контроля. Но вопрос был шире.

— А я думаю, закрытая группа рано или поздно начинает называть контроль безопасностью. Так спокойнее звучит.

Он обвёл аудиторию взглядом и снова вернулся ко мне.

— И всё же. Представьте, что молчание защищает не власть, а людей. Конкретных людей. Тех, кто окажется уязвим, если правда выйдет наружу.

— Тогда надо спрашивать, кто сделал их уязвимыми.

— Иногда сама правда.

— Правда сама ничего не делает, — сказала я. — Её используют люди.

В аудитории стало слышно тиканье часов. Руднев медленно прошёл вдоль доски, коснулся пальцами мела, но писать ничего не стал.

— Хорошая формулировка, — сказал он наконец. — Но опасная.

— Почему?

— Потому что человек, уверенный, что он всего лишь «говорит правду», редко замечает момент, когда начинает причинять ей вред.

Это было уже не в аудитории. Это было мне.

Внутри поднялось знакомое чувство, от которого у меня раньше начинались проблемы с учителями, одноклассниками, родителями одноклассников и однажды — с женщиной в очереди за шаурмой.

— А человек, уверенный, что молчит ради чужого блага, — сказала я, — не всегда замечает, когда начинает прикрывать этим собственный страх.

На этот раз кто-то сзади тихо сказал: «Ого».

Руднев посмотрел на меня долго и внимательно.

— Возможно, — ответил он. — Поэтому философия и начинается там, где оба ответа неприятны.

Он повернулся к доске и написал крупно:

«Право на истину / право на тайну».

— Запишите, пожалуйста. Это и будет темой сегодняшнего обсуждения.

К концу пары у меня разболелась голова. Руднев продолжал говорить о праве на истину, праве на тайну, границах знания и ответственности за сказанное, а я записывала отдельные фразы и понимала, что всё равно слушаю не лекцию, а подтекст. И чем дальше, тем меньше мне нравилось то, что слышалось между строк.

После последней пары я вышла из корпуса вместе с общей толпой. Кто-то рядом обсуждал зачёт, кто-то ругался из-за расписания, две девушки у лестницы спорили, идти за кофе или сразу в общагу. Воздух на улице был влажный, прохладный, с запахом мокрой листвы. Я подняла воротник куртки и пошла в сторону общежития, стараясь не наступать в лужи и одновременно не думать о Рудневе. Но у меня совсем не получалось. Сначала Лиля. Тимофей. Агата. Теперь Руднев со своим вопросом о тайне, которая объединяет группу людей.

Слишком много совпадений.

До этого я думала о тайном клубе как о студенческой странности. Ну правда: несколько человек слишком серьёзно играют в закрытое общество, задают странные вопросы, краснеют и, возможно, по вечерам собираются где-нибудь в пустой аудитории, чтобы пить чай, спорить о смысле жизни и чувствовать себя избранными.

Но если в этом был замешан преподаватель, всё становилось загадочнее. Интереснее. И я ненавидела себя за этот интерес.

Если Руднев правда имел отношение к их клубу, тогда это уже была не студенческая игра. Тогда кто-то взрослый знал, разрешал, контролировал или хотя бы делал вид, что контролирует. А ещё получалось, что вопрос на паре мог быть задан не просто так. Он не ткнул пальцем в случайную тему, он очень аккуратно положил перед аудиторией нож и спросил, кто готов им резать. А потом посмотрел на меня.

Я вспомнила его взгляд и сжала ляжку сумки крепче. Для чего они собирались? Где? Почему так боялись, что о них узнают? Что вообще может быть у студентов и преподавателей такого, что его нужно охранять залогом, молчанием и странными проверками в прачечной?

Может, всё было серьёзнее, чем я решила в начале. Может, я лезла туда, куда нормальный человек должен был бы не лезть.

— Яра!

Я обернулась.

Тимофей догонял меня по дорожке от корпуса к общаге и выглядел до неприличия бодрим. Вот просто преступно бодрим. Волосы всё ещё аккуратно зачёсаны назад, куртка расстёгнута, на лице выражение человека, который не провёл день в подозрениях и попытках не уснуть на философии времени, а отлично отдохнул и теперь решил украсить собой осенний пейзаж.

Я остановилась.

— Ты вообще устаёшь? — спросила я вместо приветствия.

Тимофей сунул руки в карманы куртки и улыбнулся.

— Устаю, конечно. Просто стараюсь делать это не так выразительно, как ты.

Несколько студентов прошли мимо нас к общежитию; у крыльца кто-то громко смеялся, хлопала входная дверь, с мокрого асфальта тянуло холодом. Тимофей дождался, пока рядом никого не останется, и только тогда заговорил тише:

— Я хотел спросить, готова ли ты к последнему этапу отбора.

Я посмотрела на него внимательнее.

— В тайное общество, которого не существует?

— В него.

Вот так просто. Без насмешки. Без этих «какое ещё тайное общество, Яра, ты слишком много читаешь ночью и мало спишь».

Внутри у меня приятно дрогнуло, но я заставила себя не выдать радость слишком быстро. Потому что радоваться предложению вступить в сомнительный тайный клуб после разговора о залого и компромате — это, конечно, новый уровень самоуважения.

— А как же человек, которому я не понравилась?

— Кое-кто решил, что у тебя всё-таки есть шанс. Небольшой, но есть.

— Ого. Мне уже начинать чувствовать благодарность или можно сначала уточнить, что именно вы собираетесь со мной делать?

— Можно уточнить. Но не здесь.

Чем спокойнее Тимофей говорил, тем сильнее мне хотелось вытрясти из него все ответы прямо сейчас, желательно за воротник куртки и с подробным протоколом.

— У тебя есть время подумать. Полчаса. Если решишь, что готова, приходи в библиотеку. Старый читальный зал на первом этаже. Я буду ждать там.

— А если я не приду?

Тимофей пожал плечами, но взгляд оставался внимательным.

— Пойдёшь в общагу, поспишь, сделаешь вид, что тебе всё равно, и, возможно, даже продержишься до утра, прежде чем начнёшь нас выслеживать. Лучше сразу реши, что для тебя страшнее: узнать правду или оставить всё как есть.

Он сказал это почти ласково, и меня это задело сильнее, чем если бы он открыто дразнил.

— Тимофей.

— Что?

— Ты понимаешь, что такими словами не отговаривают? Так людей вроде меня толкают прямо к двери с надписью «не входить».

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Я знаю. Но я бы правда хотел, чтобы ты пришла.

После этих слов он развернулся и пошёл в сторону библиотеки, оставив меня у входа в общежитие с тяжёлой сумкой на плече и тридцатью минутами, которые внезапно стали слишком короткими.

Ну что, Яра? Отдых в тёплой постели или дверь с надписью «не входить»?

Глава 3

Тридцать минут? Очень смешно. На самом деле мне хватило одной минуты. Даже меньше.

Я стояла у входа в общагу, смотрела на мокрую дорожку, по которой Тимофей ушёл к библиотеке, и пыталась сделать вид, что думаю. Взвешиваю риски. Оцениваю последствия. Прислушиваюсь к здравому смыслу, который, судя по всему, давно собрал вещи и переехал от меня к кому-нибудь поспокойнее.

А потом сделала так, как учила мама. «Не слушай мысли, когда они начинают орать хором. Выключи логику на десять секунд и спроси себя честно: чего ты хочешь?»

Я подняла глаза на окно своей комнаты. За стеклом висела бледная занавеска, на подоконнике стояла кружка соседки. Можно было зайти, снять мокрые кеды, лечь на кровать, открыть Платона и сделать вид, что всё это меня не касается. И даже представила, как делаю именно так. Но это не помогло. Потому что ответ уже был внутри. Неприлично быстрый и совершенно не желающий учитывать моё будущее душевное равновесие.

Мне хотелось пойти за Тимофеем. Хотелось попасть в их загадочный клуб, общество, кружок, секту любителей недосказанности — как бы они сами это ни называли.

Я выдохнула, поправила сумку на плече и пошла по дорожке к библиотеке.

На входе женщина за стойкой подняла на меня глаза, но ничего не сказала. Я прошла мимо шкафов, мимо стенда с объявлениями и двух студентов, которые тихо спорили за ноутбуком, но жестикуютировали так активно, что казалось, их слышит вся библиотека.

Старый читальный зал оказался в конце коридора. Дверь была приоткрыта. Я толкнула её ладонью и вошла. Тимофей сидел за дальним столом у окна, перед ним лежала раскрытая книга, рядом — телефон экраном вниз. Он поднял голову, когда я вошла, и даже не удивился. Ни капли.

Вот же гад.

Я села напротив, шумно выдохнула и попыталась мысленно подготовиться. К чему именно — понятия не имела.

Тимофей улыбнулся, но улыбка вышла неправильной. В уголках губ осталось привычное спокойствие, а глаза были серьёзными.

— У тебя лицо такое, будто сейчас начнётся та часть, после которой в фильмах зритель говорит: «Ну всё, беги», — сказала я, устраиваясь на стуле. — Надеюсь, у вас хотя бы бюджет на спецэффекты приличный.

Тимофей улыбнулся чуть шире, но напряжение с его лица не ушло.

Ну, восторг. Очень люблю, когда мои шутки погибают в атмосфере тревожной тайны.

— Почему ты такой серьёзный? — спросила я уже тише.

Он опустил взгляд на раскрытую книгу, хотя, кажется, не прочитал из неё ни строчки.

— Потому что я делаю это впервые.

— Что именно?

Вместо ответа Тимофей наклонился, достал из сумки старый диктофон и положил его на стол между нами. Я несколько секунд смотрела на серый пластиковый корпус, маленькое окошко кассеты и кнопки, явно пережившие больше чужих секретов, чем средний университетский психолог.

— Серьёзно? — спросила я. — Кассета?

— Серьёзно.

— Вы там все принципиально ненавидите нормальные технологии или это часть эстетики? Тайный клуб, пыльные книги, кассетный диктофон. Осталось только свечи зажечь и плащ накинуть.

— В нашем случае других вариантов нет. — Сказал он это так, что мне сразу захотелось спросить, в каком именно «вашем случае» старая кассета вдруг оказалась вершиной технического прогресса. Но Тимофей смотрел на диктофон слишком собранно, и я поняла, что ответа всё равно не получу.

Я скрестила руки на груди.

— Ладно. Допустим. И что ты собираешься записывать?

Тимофей посмотрел на меня прямо.

— Если ты готова отдать залог, тебе придётся поделиться тайной. Такой, раскрытие которой создаст для тебя настоящие проблемы.

— Например, какие?

— Достаточно серьёзные. Исключение из университета. Разрушенная репутация. Проблемы с законом.

— Тюрьма, значит?

Он не улыбнулся.

— Риск должен быть таким, чтобы человек трижды подумал, прежде чем рассказать о нас кому-то снаружи.

Я откинулась на спинку стула и почувствовала, как деревянный край неприятно упёрся между лопаток.

— У вас чудесная система мотивации. Очень дружелюбная. Прямо хочется сразу завести бейджик «добро пожаловать в коллектив».

— Я не говорил, что она дружелюбная. Но она безопасная.

Я перевела взгляд с диктофона на Тимофея и чуть задержалась на его лице.

— А если у меня нет такой тайны? — спросила я после паузы.

— Тогда придётся придумать.

— Придумать?

— И принести доказательства, чтобы история могла выглядеть правдой. Иначе дальше не пройти.

Я медленно выдохнула. Вот тут уже становилось совсем мерзко.

— То есть вам подходит не только настоящий компромат, но и качественно изготовленный?

— Нам подходит залог, который будет работать.

— Ты сейчас понимаешь, как это звучит?

— Да. Я был на твоём месте.

Его спокойствие начинало раздражать. Не так, когда хочется спорить просто ради удовольствия, а глубже — там, где неприятно чешется чувство опасности.

— А если ты будешь использовать это для шантажа? — спросила я. — Как я могу тебе поверить?

Тимофей не отвёл взгляд.

— Никак. В этом и смысл.

Я замерла.

В читальном зале было тихо. Где-то за дверью скрипнула половица, женщина на входе приглушённо кашлянула, за окном по стеклу сползала мутная дождевая капля. Терпеливый диктофон лежал между нами. Колкость сама подошла к языку и остановилась. Почему-то именно сейчас шутить расхотелось.

— Ты можешь только решить, готова ли рискнуть ради того, что находится дальше. — Прервал Тимофей наше молчание.

Я посмотрела на его руки. Пальцы лежали на столе спокойно, но не расслабленно. Как у человека, который готов в любой момент убрать диктофон обратно в сумку и закончить разговор.

— Ты сказал правду, когда отдавал свой залог? — спросила я.

Тимофей слишком долго молчал, глядя на кассетное окошко. Так долго, что вопрос успел стать тяжелее.

— Да, — произнёс он наконец. В его голосе не было ни гордости, ни вызова. Только короткое признание, за которым сразу закрылась дверь.

Я кивнула. Спрашивать, что именно он сказал, было бы глупо. Не потому, что мне не хотелось. Хотелось так сильно, что внутри даже стало горячо. Но сейчас это был бы не вопрос, а попытка залезть туда, куда меня пока не приглашали.

Я обдумывала его слова почти минуту. У меня было кое-что. Кое-что, о чём не знал никто. По крайней мере, я очень надеялась, что не знал. В старших классах я убедила себя, что поступила правильно, и в некоторые дни даже верила в это без усилий. Но стоило вспомнить тот день, как внутри поднималось горячее чувство — смесь злости, стыда и того мерзкого удовольствия, которое до сих пор было противнее всего.

Тимофей заметил, что я изменилась в лице.

— Ты можешь рассказать секрет и не говорить, правда это или нет, если тебе так легче.

— Я не стану рассказывать твоему диктофону секреты прямо здесь.

— И не придётся. Если ты согласна, есть место лучше.

— Что за место?

Тимофей поднялся и посмотрел влево, туда, где за книжными рядами темнел проход.

— Пойдём.

— Как загадочно. Никто в истории человечества ещё не пожалел, что пошёл за парнем в тёмный угол библиотеки.

— Можешь остаться.

— Ага. Конечно. После всего этого я прямо развернусь и уйду.

Он ничего не ответил, только взял диктофон и пошёл первым.

Я поднялась следом, вытерла ладони о штаны и сразу разозлилась на себя за этот жест.

Мы прошли между длинными рядами книг. Пыль лежала не только на корешках — она стояла в воздухе, оседала на языке вместе с запахом старой бумаги. Тимофей свернул за последний книжный ряд, и там, в узком проходе между стеной и шкафами, обнаружилась лестница вниз.

— Не знала, что здесь есть проход, — сказала я шёпотом и посмотрела по сторонам. Камер не было. То есть, конечно, я не специалист по камерам. Но если где-то и должен был висеть маленький красный глазок, то сейчас он очень удачно отсутствовал.

Мы спустились вниз. Подвал встретил нас низким потолком, холодом и таким количеством старых книг, что воздух казался перетёртой бумагой. У стен стояли металлические шкафы, деревянные полки, коробки с выцветшими наклейками и стопки списанных журналов. Где-то тихо гудела труба. Жёлтая лампа под потолком горела без особого энтузиазма, оставляя углы в сером полумраке.

— Это всё, что раньше было в читальном зале, — объяснил Тимофей, когда мы прошли между шкафами. — До того, как наверху поставили новые столы и компьютеры. Старые каталоги, списанные подшивки. Формально сюда почти никто не ходит.

— Очень успокаивает слово «формально».

Он чуть улыбнулся, но тут же снова стал серьёзным.

Миновав короткий коридор, мы оказались в дальнем углу, отгороженном от остального подвала высокими полками и шкафом с перекошенными дверцами. В стене пряталась узкая дверь: белая, с облупившейся краской, старым замком и потёртой металлической ручкой.

— Итак, — произнёс Тимофей. — Готова?

Он подошёл ближе. Слишком близко. От его куртки пахло дождём и едва уловимым парфюмом. В полутьме лицо Тимофея казалось резче, чем наверху, а глаза — темнее. Он поднял диктофон, большой палец лёг на кнопку записи.

— Кассеты хватит минут на пятнадцать, — сказал он. — Уложишься?

Я хотела ответить что-нибудь грубое. Или хотя бы остроумное. Но в горле пересохло, и вместо этого я просто кивнула. Щелчок прозвучал слишком громко. Запись пошла.

Несколько секунд я молчала. Диктофон тихо шуршал в руке Тимофея. Нелепый, старый звук — и при этом мне казалось, что он заглушает даже наше дыхание.

— В одиннадцатом классе, — начала я и сама услышала, что голос звучит не так уверенно, как хотелось бы, — у нас была историчка. Её звали Елена Викторовна. Она была из тех учителей, которые могли улыбаться, пока унижали человека. Или кричать, если понимали, что им за это ничего не будет.

Я сглотнула. Тимофей смотрел на меня пристально. На секунду мне захотелось спрятаться от этого взгляда. Он слушал так внимательно, что рядом с ним даже моя привычная язвительность выглядела жалкой попыткой спрятаться за мебелью. Поэтому я просто продолжила.

— У неё были любимчики. Не просто отличники, а такие... придворные. Те, кто смеялся в нужных местах, повторял её фразы, мог подойти к доске и с умным лицом сказать гадость про одноклассника, если понимал, что Елена Викторовна одобрит. Им она ставила пятёрки за воздух. За «активность», за «позицию», за «умение мыслить». Остальным оценки можно было резать за почерк, за «недостаточную глубину», за то, что ответ правильный, но сказан «не тем тоном».

Я сложила руки на груди и тут же одёрнула себя. Дурацкий жест. Стоило только начать говорить о Елене Викторовне, как тело само пыталось поставить между мной и Тимофеем хоть какую-нибудь перегородку.

— Она не просто обижала. Она подкидывала слова, как кость собакам. Скажет при всём классе: «Ярина у нас сегодня снова решила быть особенной», — и всё, можно было не продолжать. Кто-нибудь из её любимчиков обязательно добавлял: «Да она всегда так, ей внимание нужно». Она улыбалась. Иногда делала вид, что ругает: «Ну что вы, ребята, не надо». Но по лицу было видно, что надо. Очень даже надо.

Голос стал ровнее. Наверное, потому что злость оказалась привычнее страха.

— Одному мальчику она сказала, что с его памятью хорошо бы сразу привыкать к физическому труду, потому что голова всё равно не пригодится. Девочке из параллели — что если дома нет денег на нормальную одежду, можно хотя бы не делать вид, что это стиль. Про другую девочку однажды бросила: «С такой походкой главное — не перепутать школу с панелью». Класс сначала замер, а потом кто-то засмеялся. И всё. С этого дня девочку начали так называть. Не все, конечно. Только самые смелые в стае.

Я уставилась на старый замок на двери, потому что выдерживать взгляд Тимофея стало трудно.

— Про меня она говорила, что я путаю честность с невоспитанностью, а умение спорить — с умом. Называла мои волосы «дешёвой попыткой привлечь внимание». Однажды сказала, что если человеку нечего предъявить, он начинает предъявлять внешность. При всём классе. После этого один парень неделю спрашивал, сколько стоит мой час. Елена Викторовна слышала.

Я коротко усмехнулась. Тимофей всё ещё молчал. Диктофон писал только меня.

— Однажды я осталась после уроков. Забыла сменку на стуле и вернулась за ней. Кабинет был пустой, компьютер включён. На столе лежала бумажка с паролем. Просто лежала рядом с клавиатурой. Я сначала даже не собиралась ничего делать.

Я остановилась. Это было самое удобное место, чтобы соврать. Сказать: «Я случайно увидела». «Оно само открылось». «Я не понимала, что делаю». Но диктофон шуршал в тишине, Тимофей смотрел прямо, и почему-то стало ясно: если уж отдавать залог, то не полировать его до приличного вида.

— Нет, вру. Собиралась. Я увидела пароль, открыла её почту. Там были переписки. С другими учителями, с завучем и со своими подругами. Она обсуждала учеников так, как будто мы были не людьми, а испорченными вещами в учительской кладовке. Фамилии, семьи, диагнозы, деньги, внешность. Кто «тупой», кто «безнадёжный», у кого «мать явно не занимается ребёнком», кто «с такой наследственностью далеко не уйдёт». Там были чужие документы. Характеристики. Медицинские справки, которые вообще не должны были гулять по перепискам с комментариями вроде «теперь понятно, почему она такая».

Меня передёрнуло.

— Я достала телефон и начала фотографировать экран. Криво, с бликами, с краем монитора, с датой в углу. Просто чтобы было. На всякий случай.

Я перевела дыхание.

— Уже собиралась уйти, но чем больше я читала, тем сильнее меня трясло. Там была переписка про девочку, которую травили за вес. Елена Викторовна писала, что «некоторым полезно столкнуться с мнением коллектива, если родители не объяснили дома». Про мальчика, у которого отец пил, она написала: «Генетика берёт своё». Про меня — что я «агрессивная истеричка с претензией на индивидуальность» и что таких надо «ломать в старших классах, иначе в университете из них вырастают проблемы».

Я почувствовала, как пересохли губы.

— Вот на этом месте я перестала хотеть просто доказательства. Я захотела, чтобы она испугалась. Сделала скриншоты уже на её компьютере. Открыла родительский чат, который был у неё в мессенджере, и отправила туда всё, что успела. Ещё в чат класса, в пару личных диалогов с родителями, в общий школьный чат, где были старосты. Я отправляла из её аккаунта. Поэтому сначала все решили, что она сама что-то перепутала. Что хотела кому-то переслать, а попала не туда.

Тимофей медленно выдохнул через нос. Пальцы на диктофоне сжались крепче, и мне стало ясно: он понял именно ту часть, которую я сама больше всего не хотела слышать.

— На несколько минут это даже выглядело как несчастный случай. Самый честный несчастный случай в истории нашей школы. Фотографии разлетелись быстро. Родители подняли шум сразу. Кто-то начал сохранять, кто-то пересылал дальше, кто-то звонил директору. Елену Викторовну отстранили уже на следующий день, потом она уволилась. Официально, кажется, «по собственному желанию».

Я говорила и чувствовала, как поднимается старое, липкое волнение.

— Полицию вызывали. Меня тоже спрашивали. Слишком многие знали, что у меня с ней были конфликты. И, конечно, кто-то вспомнил, как я однажды сказала, что таким людям нельзя работать с детьми. Очень удачная фраза, если хочешь стать первой подозреваемой.

Тимофей смотрел на меня не мигая.

— Я сидела в кабинете у директора. Рядом мама, завуч и мужчина, который задавал вопросы. Где я была после уроков. Заходила ли в кабинет истории. Видела ли, кто мог быть у компьютера. Знала ли пароль. Почему у меня такие отношения с Еленой Викторовной. Я врала так хорошо, что мне до сих пор неприятно это вспоминать.

Я провела языком по губам.

— Они могли бы найти меня, наверное. Если бы очень захотели. Проверить камеры, посмотреть, кто заходил в кабинет после уроков. Но в нашей школе камеры работали через раз. То запись не сохранилась, то угол не тот, то ответственный человек заболел. А может, школа просто не хотела копать глубже, потому что чем глубже копаешь, тем больше воняет.

Мне стало холодно. По-настоящему. Не из-за подвала.

— Самое мерзкое, что я тогда правда думала: вот, теперь всё правильно. Теперь все узнают. Теперь она больше не сможет делать вид, что это мы слишком чувствительные, глупые, невоспитанные, неблагодарные. Я ждала, что мне станет легче.

Тимофей всё ещё смотрел и молчал. Только теперь я поняла, что это для того, чтобы его голоса не было на записи и я продолжила.

— Я видела, как её вызывают к директору, как родители пишут в чат одно сообщение за другим. Видела её на улице с бледным лицом. Я хотела не только справедливости. Я хотела, чтобы ей тоже стало больно.

Слова закончились резко, как воздух. Тимофей опустил взгляд на диктофон и большим пальцем нажал на кнопку.

Щелчок.

Запись остановилась.

— Доказательства? — спросил он. Голос у него прозвучал тихо и осторожно, но всё равно я вздрогнула.

— Флэшка, — сказала я не сразу. — Я скинула туда фотографии с телефона. Те, которые сделала до отправки. Не скриншоты из чатов, а исходные фото экрана.

Тимофей ждал.

— На них видно больше, чем ушло родителям. На одном, кажется, даже виден листок с паролем. Я тогда скинула всё на флэшку, а с телефона удалила. Думала, так будет безопаснее.

Я запнулась. Сказать это оказалось тяжелее, чем всю историю. Потому что до этого всё ещё можно было представить как старую школьную драму, мутную, полузабытую школьную драму. А флэшка делала её настоящей.

Тимофей кивнул, будто принял весь вес, который стоял за моим рассказом.

— Этого достаточно, чтобы начать, — произнёс он и повернулся к старой двери за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.